Тяжко, братья, голове без плеч,
Горько телу, коль оно безглаво.

«Слово о полку Игореве»
в переложении Н.А. Заболоцкого

Во всей многовековой истории развития человечества (ветхозаветной и новозаветной), при разных периодах (племенном и государственном) и приоритетах (экономическом, культурном и т.д.) сложно найти эпоху, что являлась бы легкой прогулкой для homo sapiens. И XX век отличается от других веков, пожалуй, только тем, что еще жива и трепетна память недавних времен и событий.

Время и события — это все равно, что удав и кролики. Вечно голодный удав и предназначенные ему в пищу, зачарованные магией удава кролики.

Время содержит в себе то, что уже произошло, поглощает то, что существует сейчас и предвкушает то, что вскорости должно случиться.

Время текуче словно песок, особенно, если это время перемен. Уловив, что настало время не сидеть сложа руки, можно время выиграть, а вот если шагать со временем не в ногу, легко свое время упустить. То время, что работает на нас — правильно рассудит; время, ставящее вопросы — не щадит никого. Между временем разбрасывать камни и временем камни собирать образуется непонятное, непредсказуемое безвременье.

Поди разберись, попробуй, человече, прояви свою «экзистенцию» применительно к выпавшему на твою долю времени. И каждому — она своя, доля.

Поэту Николаю Алексеевичу Заболоцкому XX век выделил на все про все пятьдесят пять лет жизни. От 1903 года и до 1958. А еще щедро отмерил на эти годы многое — и радость творчества, и семейное счастье, равно как и тяжелейшие испытания, телесно и духовно проверяя поэта на прочность, пробуя на излом.

«Надо работать и бороться за самих себя. Сколько неудач еще впереди, сколько разочарований и сомнений! Но если в такие минуты человек поколеблется — песня его спета. Вера и упорство. Труд и честность», — вот яркая иллюстрация внутреннего состояния Заболоцкого в 1930-е годы. В годы его личностного становления, его человеческого и поэтического взлета. Вряд ли он мог предположить, сколько глубочайших «разочарований и сомнений» ждет его впереди. Что его «срежут» на самом взлете.

И его человеческое величие в том, что он не спасовал, не соврал, проявил в должной мере бескомпромиссно утверждаемые им веру и упорство, труд и честность.

Предвосхитив желающих сослаться на библейскую истину, что Господь не дает человеку испытания, которые ему не по силам, заметим, примеров, когда человек этой истине не следовал и, не проявив достаточной воли, испытания не прошел — немало.

И то, что Николай Заболоцкий выжил — не был забит до смерти на допросах, не умер от голода, холода или от болезней — это счастливая случайность. А вот то, что при выпавших на его долю испытаниях выжила его душа — закономерность. Закономерность для Заболоцкого.

Подводя определенные литературные итоги минувшего века, писатель и публицист Андрей Битов, относительно места в поэтической «табели о рангах» для Николая Заболоцкого, пришел к парадоксальному выводу: «Баратынский стал крупнейшим поэтом девятнадцатого века в двадцатом, Заболоцкий станет крупнейшим поэтом двадцатого века в двадцать первом».

О том же трагическом несоответствии поэта и времени с сожалением говорит известный литературный критик Ирина Роднянская: «Для меня Заболоцкий — поэт, который стоит вровень с великими именами: с Пастернаком, Мандельштамом, с Цветаевой... выше Ахматовой. Даже в таком искалеченном виде. Но если бы его не искалечили, по-моему, это был бы гений, который мог бы встать рядом с Пушкиным и Блоком».

Николай Заболоцкий не был тщеславным человеком. Признание, для него не являлось ни целью, ни смыслом творчества, ни тем более смыслом жизни. Для Заболоцкого жизненный путь человека и поэта (а эти два понятия были для него нераздельны: «Я отрекся от житейского благополучия, от “общественного положения” — для искусства. Вне его — я ничто...») — это, прежде всего, путь к себе, к художественной неповторимости, к умению явить из себя уникальную личность, оставаясь при этом органичной частью сущего мира.

А такое мироощущение (внутренней личностной свободы) возможно лишь для человека с верой и идеалами. Иначе и не объяснишь желание поэта воспеть гармонию, красоту и диалектику («Метаморфозы» сущностей) мира, в малоподходящем для того, жестоком 1937 году.

Как мир меняется! И как я сам меняюсь!
Лишь именем одним я называюсь, —
на самом деле то, что именуют мной, —
не я один. Нас много. Я — живой.

Одна из самых гуманистических сентенций XX века: «Чело-век! Это великолепно! Это звучит... гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека!» Она провозглаше-

Николай Заболоцкий

на «буревестником революции» Максимом Горьким в пьесе «На дне» как философия вхождения в новую эру человеколюбия и намеренно вложена писателем в уста спившегося карточного шулера, опустившегося на «дно» социума, чтобы дать понять многомиллионным массам — отныне голос каждого (каждого!) будет услышан!

А как в контексте того же XX века примем мы вот такую отсылку к Горькому? Она приводится в летописи Заболоцкого «История моего заключения»:

«Следователи настаивали на том, чтобы я сознался в своих преступлениях против Советской власти. Так как этих преступлений я за собою не знал, то понятно, что и сознаваться мне было не в чем.

— Знаешь ли ты, что говорил Горький о тех врагах, которые не сдаются? — спрашивал следователь. — Их уничтожают!

— Это не имеет ко мне отношения, — отвечал я.

Апелляция к Горькому повторялась всякий раз, когда в кабинет входил какой-либо посторонний следователь и узнавал, что допрашивают писателя».

Мы привыкли к утверждению: «ранимая душа поэта», давно ставшему расхожим, но в случае с Заболоцким, душа поэта оказалась стоиком, душа поэта оказалась воином, а стало быть, и сам поэт явился воином. Воином Руси. Как инок Троице-Сергиевского монастыря Пересвет, как костромской крестьянин Иван Сусанин, таким, кто и один «в поле» являет силу. И не только силу физическую, но и силу духа, величие души.

Именно о том, как человеку должно относиться к собственной душе, Николай Алексеевич высказывался неоднократно. И в конечном итоге, в последнее лето жизни — лето 1958 года, уже смертельно, уже необратимо больной поэт, напишет о самом важном — о душе, тем самым суммируя жизненный опыт своего земного пути:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!..

В каждой строке — действие! И в поэзии, и в жизни Заболоцкому всегда будут присущи глаголы. Стихи его насыщены глаголами, он, похоже, не боялся (о «праведный» гнев филологов-литературоведов!) глагольных рифм, когда руководствовался единственной необходимостью — наполнить поэтические строки движением. Заболоцкий и сам, как человек, состоял не только из существительных и прилагательных, но и в значительной степени из глаголов.

...Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвет...

Поэт формулирует основные человеческие заповеди, систему духовного самовоспитания через опережающую требовательность к душе, раскрывая смысл жизни в его изначальной простоте: «Гони ее от дома к дому, / Тащи с этапа на этап...», «Не разрешай ей спать в постели...», «Держи лентяйку в черном теле...», «А ты хватай ее за плечи, / Учи и мучай дотемна...»

А все для того, чтобы душа училась «жить с тобой по-человечьи...» В этом — суть! И общий строй бытия. И последовательный упрямый порядок.

«Учи и мучай дотемна...» — это не истязание души, а скорее — истязание себя, трудная наука по осмыслению и созиданию земного пути. И нужно многому выучить себя, чтобы на земном пути быть в ладу с собственной душой. На это иногда не хватает всей жизни. А иногда в одну жизнь вмещается чрезвычайно много.

Но имело ли смысл поэту утверждать значимость отдельно взятой человеческой души на фоне «коллективной духовности масс» пропагандируемой в СССР. Стране, где Николаем Заболоцким прожита большая часть жизни? Не противоречило ли это марксистско-ленинской идеологии? Потому как происхождение души идеология та не объясняла, а Священное писание, где утверждалось, что душа — это дар Божий человеку при его сотворении, игнорировала.

Вопрос о душе, как ни крути, самое слабое место в коммунистическом учении. В статье В.И. Ленина «Три источника и три составных части марксизма» основополагающей философией марксистского учения назван материализм Фейербаха с привлечением диалектики Гегеля, очищенной (!) от религиозных мотивов. О душе и о духовности в статье нет ни слова, разве что упоминается о «духовном рабстве угнетенных классов».

Вот с этого зарождения безбожной эпохи модерна и «пошла писать губерния»!

Одним из многих подтверждений пренебрежения к религии в СССР на государственном уровне, стала замена воинского девиза Российской Империи «За веру, царя и отечество!» на девиз «За Родину, за Сталина!» Понятия Отечество и Родина — сопоставимы. А «вера» и «царь» — конвертировались в личность И.В. Сталина («отца народов», «мудрого вождя и учителя», «великого кормчего», «зодчего революции» и т.д.).

И в том никакого противоречия нет. Ведь свято место (что твердо понимали теоретики коммунизма) пусто не бывает, и на смену религии пришла новая идеология. Да, коммунисты, меняя строй, ломали все старое, в том числе и вытесняли христианскую религию, но взамен создавали свою, копируя и адаптируя под себя христианские заповеди.

Правда, свою веру они внедряли гораздо жестче. Владимир Ульянов-Ленин оказался более лихим государственником, чем его тезка, князь Владимир Красное Солнышко.

А что касается души... В какой-то степени заботу о человеческой душе передали в ведение писателей, со своей государственной точки зрения соглашаясь с тем, что «душа обязана трудиться». Но именно — с государственной точки зрения. Зная

точно, на кого «обязана трудиться» душа советского гражданина. Писателей в СССР величали «инженерами человеческих душ» — это выражение Юрия Олеши присвоил себе И.В. Сталин, настолько оно понравилось главе государства. Еще бы — выражение било в точку! Государству были нужны человеческие души: романтиков, сподвижников и патриотов, а писатели как раз и помогали такие души формировать.

Однако статус «инженера» не становился для литератора охранной грамотой от ареста, лагерей или расстрела. Тем более если писатель или поэт давали какой-либо повод усомниться в свой идейной «квалификации». А впрочем, даже если и не давали никакого повода. «Был бы человек, а статья найдется», — это показательное выражение Прокурора СССР А.Я. Вышинского стало крылатым. Очень точно, про то страшное время, без слез «выплакано» стихами в многострадальном «Реквиеме» Ахматовой — о единой для всех вине, и беде тоже единой для всех: «Я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был»).

Время и события — это удав и кролики...

Попал в черные списки и Николай Алексеевич Заболоцкий. Попал по ложному доносу арестованных и не выдержавших допросов (скорее, даже не допросов, а пыток) в НКВД Бенедикта Лифшица и Елены Тагер. Попал, имея в отрицательном активе «пристрелочную» критику за формализм первого сборника стихов «Столбцы» («во имя чего юродствует Заболоцкий?») и уже «бронебойную» критику поэмы «Торжество земледелия» («юродствующая поэзия Заболоцкого имеет определенный кулацкий характер»).

Налет юродствования в стихах Заболоцкого критика угадала верно, да вот только не поняла главного: для поэзии Заболоцкого юродствование — это восприятие мира через наивное, первозданное отношение человека к сущему. Ведь человек и сам — часть сущего, часть, равная другим, потому что в системе мироздания поэта все составные части паритетны и одухотворены. А юродствование, заимствованное из русской исторической действительности и используемое Заболоцким как элемент художественности, равно как и угол зрения на реальность — это приобретение Заболоцкого от его недолгого хождения в ОБЭРИУТство. Его поэтический дар (и масштаб личности) оказался значительно крупнее, чем рамки экспериментального модернистского течения. А его не поняли, да и понимать не стремились. Понимать и принимать — это не в стиле РАППа (Российской ассоциации пролетарских писателей). Где юродство и модернизм, а где РАПП? И если «Столбцы» вызвали всего лишь «порицание», то публикация «Торжества земледелия» получилась настолько скандальной, что весь тираж журнала «Знамя» с поэмой изъяли.

Этого оказалось достаточно, чтобы 19 марта 1938 года Заболоцкий был арестован и после изнурительных допросов и физических издевательств, так и не признавший своей вины («так как... преступлений я за собою не знал, то... и сознаваться мне было не в чем»), приговорен «особым совещанием (то есть без суда) к пяти годам лагерей “за троцкистскую контрреволюционную деятельность”» и отправлен этапом к месту отбытия срока в молодой советский город со славным именем Комсомольск-на-Амуре.

Отправлен по железной дороге — знаменитому «Транссибу», Великому Сибирскому пути, что явлен был грандиозным проектом Российской империи, соединившим центральную часть России с Сибирью и Дальним Востоком. «Транссиб» — стратегический рельсовый путь, строительство которого инициировалось и велось ни много, ни мало под контролем царской семьи.

На церемонии закладки строительства тезка Заболоцкого — будущий император Николай II (в то время цесаревич), собственноручно отвез тачку земли на полотно дороги.

Но к тому времени, когда Заболоцкий следовал этапом по «Транссибу», последний император Всероссийский Николай II уже двадцать лет как принял мученическую смерть вместе с семьей в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге.

И Николай Заболоцкий, и Николай II попали в одну и ту же карательную мясорубку (и это не панегирик монархизму, и не отповедь советской власти — это, если хотите, судьба с ее черным юмором). Одному судьбой уготован был для испытания души смертельно опасный этап, другому — смертный дом.

...Гони ее от дома к дому,
Тащи с этапа на этап...

Ясно, что прошлое и настоящее тесно переплетены. Да, да — время содержит в себе то, что уже произошло, поглощает то, что существует сейчас, и предвкушает то, что вскорости должно случиться...

Прошлое и настоящее — эта тема важная для Заболоцкого. И как для поэта, и как для человека, живущего в условиях, когда новое приходит на смену старому, причем приходит не эволюционно, а революционно. На соотношении прошлого и настоящего во многом строится конфликт в поэме Заболоцкого «Торжество земледелия» (той самой поэме, что стала для него на долгое время «черной меткой»). Хотя всемерное торжество настоящего над прошлым, утверждаемое в поэме, свидетельствует не о дефективности государственной крестьянской политики в СССР, а скорее о мировоззренческих поисках самого поэта — его увлечении трудами К.А. Тимирязева, Ф. Энгельса, А. Эйнштейна и, конечно же, Константина Эдуардовича Циолковского.

«Атом есть мельчайший Дух, который спит в камне, дремлет в животном, просыпается в растении и бодрствует в человеке», — провозглашал Циолковский теорию о многообразии форм жизни во Вселенной.

А вот отрывок из письма Заболоцкого великому ученому: «...Ваши мысли о будущем Земли, человечества, животных и растений глубоко волнуют меня, и они очень близки мне. В моих ненапечатанных поэмах и стихах я, как мог, разрешал их...»

Поэму «Торжество земледелия» тоже можно отнести к разряду ненапечатанных (весь тираж с поэмой изъяли), а что касается будущего, вот каким, после свержения отжившего — после битвы («битва» — это вам не нынешний «батл», «битва» — слово эпического значения!) с предками («...Мертвецам лежать в могиле, марш в могилу, и не лезьте! Пусть попы над вами стонут, пусть над вами воют черти...»), предстает обновленный мир:

...Здесь учат бабочек труду,
ужу дают урок науки,
как делать пряжу и слюду,
как шить перчатки или брюки.
Здесь волк с железным микроскопом
звезду вечернюю поет,
здесь конь с капустой и укропом
беседы длинные ведет.
И хоры стройные людей,
покинув пастбища эфира,
спускаются на стогны мира
отведать пищи лебедей...

Возможно, поэма «Торжество земледелия» — это последний явленный полет мечтательной фантазии (еще вдохновленной К.Э. Циолковским и Н.Ф. Федоровым), что позволил себе Николай Заболоцкий (но это не последний «вызов» Заболоцкого в его утверждении торжества духа над материей)...

Возможно, есть и его вина в немалой доле утопических заблуждений, построенных касательно предвиденья будущего мироустройства (во всяком случае, в необходимости такого категоричного отказа от прошлого, равного отказу христианской Руси от Руси языческой, выраженного поэтом в той самой безжалостной «битве с предками») и построенных не без влияния модернизма...

Возможно, обновленный (модернистский) мир «землеустройства» в поэме (именно у него — потомка длинного ряда предков-земледельцев) предстал кривым зеркалом советской коллективизации...

А может, в единый узел сплелось и первое, и второе, и третье, в результате чего на человека указали пальцем, что спровоцировало арест Заболоцкого.

На человека указали пальцем — иногда этого бывает достаточно для далеко идущих выводов. Это — в каком смысле пальцем указать.

Вот, к примеру, один из «указующих перстов» — отзыв критика Лесючевского о поэзии Николая Заболоцкого, написанный по заказу НКВД: «ЗАБОЛОЦКИЙ юродствует, кривляется, пытаясь этим прикрыть свою истинную позицию. Но позиция эта ясна. Это позиция человека, враждебного Советскому быту, советским людям, ненавидящего их, т.е. ненавидящего советский строй и активно борющегося против него средствами поэзии».

А остальное — дело техники. Человек человеку не всегда «друг, товарищ и брат». Примеров в истории тому много. О подобном еще Евангелие от Иоанна свидетельствует: «Тогда вышел Иисус в терновом венце и в багрянице. И сказал им Пилат: “Се Человек!” Когда же увидели Его первосвященники и служители, то закричали: “Распни, распни Его!”»

И распяли. На кресте.

А свой крест — у каждого. И Заболоцкий под крики «распни, распни его!» взошел на уготованную ему голгофу.

Некоторое (вряд ли полное) впечатление о заключении (злоключении) Заболоцкого можно составить по дошедшим до нас его письмам к жене и детям.

«Родная моя Катенька, милый мой сынок Никитушка, ангел мой Наташечка, здравствуйте, родные мои! Я жив и здоров, и душа моя всегда с вами. Я получил пять лет лагерей. Срок исчисляется со дня ареста. Не горюй и не плачь, родная Катя. Трудно тебе будет, но нужно сохранить и себя, и детей...» ***5 декабря 1938***.

Нехорошо читать чужие письма, некрасиво, и в правильных семьях тому учат с детства. Но письма Заболоцкого читать необходимо, читать не так, как читал их лагерный особист, а со всей деликатностью переступая через его незащищенность, читать как документ эпохи, читать, понимая, что в этом случае за судьбой человека — судьба целого народа, огромной страны.

«Работаю на общих работах. Хотя с непривычки и трудно, но все же норму начал давать. Просил послать у тебя, если ты в силах, 50 р. и посылку — сала, сахару, мыла, пару простого белья, 2 пары носков и портянок...» ***27 февраля 1939***.

В каждом письме — тоска о детях, о жене, видно, как тяжело даются ему просьбы к семье, бедствующей без него, кормильца. Просьбы о мыле, сахаре, портянках...

«Из контекста письма вижу, что средства твои, Катя, на исходе. Подумай о том, что можно продать. В первую очередь ликвидируй мою библиотеку и мои костюмы». ***14 апреля 1939***.

Чувствуется страшное давление (одновременно — моральное и физическое) и от тяжелой лагерной жизни, и, главное, наиболее мучительное — от несправедливости приговора. Вот небольшой фрагмент из лекции поэта Дмитрия Воденникова «Николай Заболоцкий. Перевернутая жизнь»: «...когда его кто-то спрашивал, как там было, в лагере, он рассказывал о страшных вещах. Всегда рассказывал очень ровно, спокойно, ни единый мускул не дергался на его лице. Кроме одного эпизода, когда он вспоминал, как начальник лагеря, призвав кого-то типа дневального, или кто там был, говорил: «Ну что, Заболоцкий больше стихов не пишет?» — «Не пишет», — отвечали ему. Он говорит: «Ну, то-то же». И вот когда он вспоминал эти слова начальника лагеря, единственный раз за весь его жутчайший рассказ, у него от ненависти дергалось лицо».

Безжалостное, самодовольное «Ну, то-то же» — нечто за гранью добра и зла...

Заболоцкий, способный постичь присущее природе сознание, которое, по убеждению К.А. Тимирязева, «глухо тлеет в низших существах и только яркой искрой вспыхивает в разуме человека», осознать «сверхновозаветную» космическую библию К.Э. Циолковского с постулатом «Нет бога-творца, но есть космос, производящий солнца, планеты и живых существ...», различить в сложносочиненном художественном мире П.Н. Филонова «новый интеллектуальный вид», — не смог отыскать ни грамма логики в этом примитивно-циничном «Ну, то-то же». Оно разрушало выстроенную им систему мироздания, где человек и вселенная находились в гармоничном соотношении. Смертельно опасный для жизни Заболоцкого каторжный труд, ежедневный риск быть убитым или покалеченным уголовниками, обиды и унижения — все это Заболоцкий простил... По крайней мере, никогда (и никому) он не предъявит за это счет и не продемонстрирует осадок зла в душе. А вот проклятое «Ну то-то же», вмененное ему от «имени и по поручению» родной страны, не ценящей его и оскорбляющей в нем человека и поэта, надолго выбьет Заболоцкого из колеи. Так надолго, что писать стихи (занимаясь после освобождения в основном переводами) он сможет даже не после смерти Сталина, а после «приговора» Сталину, вынесенного XX съездом КПСС.

«Мой душевный инструмент поэта грубеет без дела, восприятие вещей меркнет. Горько становится: не имею возможности писать сам. И приходит в голову вопрос — неужели один я теряю от этого». ***3 августа 1940.***

Заболоцкого гнетет отлученность от поэзии, да просто отлученность от интеллектуального труда. И то, что Заболоцкий, пройдя аспидский труд на скальных работах в карьере и на лесоповале, хватается за работу чертежника (в целом спасшую ему жизнь) — это не только возможность для него в тяжелых условиях не измотаться физически, это возможность загрузить работой мозг.

И все же при всей трогательности и неприкрытой душевной боли, сквозящей в письмах Заболоцкого к супруге Екатерине Васильевне (а их издано ровно 100, написанных с 1938-го по 1944 год), есть в его письмах такое, что поражает и свидетельствует о необычайной силе духа.

То, что Заболоцкий (по внешним меркам — «худосочный очкарик», или «ботаник», как сказали бы нынче) не сломался под пытками и не подписал признательных показаний (чем снискал себе право не быть расстрелянным), не сознавшись в том, в чем его обвиняли и чего он не совершал — это подвиг.

То, что Заболоцкий не только себя не оклеветал, но и никого из литературного окружения не оговорил (а список фамилий тех литераторов, что следователи предъявили ему для оговора, велик: от Даниила Хармса до Константина Федина) — подвиг.

Настаивая на своей невиновности, в 1939 году Заболоцкий пишет Сталину: «Перед партией, правительством и народом моя совесть чиста. Я никогда не совершал никакого преступления, никогда не был замешан ни в какой контрреволюции...»

Ответа — нет. На письма, что отправлял он в Президиум Верховного Совета СССР

и на запросы его супруги Екатерины Васильевны в спецотдел Прокуратуры СССР — ответы формальные, без перемены участи Заболоцкого: «На В/заявление Прокуратура сообщает, что дело ЗАБОЛОЦКОГО Николая Алексеевича перепроверено. Установлено, что он осужден правильно и оснований к пересмотру дела нет...»

В просьбе отправить его на фронт, Николаю Алексеевичу тоже отказано.

И ни в одном письме Заболоцкий не просит снисхождения. Он — невиновный человек и в снисхождении не нуждается. Он и реабилитирован будет через семнадцать лет после освобождения и пять лет после смерти. И не по личному обращению, а по заявлению Екатерины Васильевны.

Заболоцкий под давлением репрессивной машины, обеспеченной деятельностью мощного аппарата НКВД, сжимался как пружина, и в этой фазе сжатия, фазе невероятного человеческого (христианского — трудно найти слово более подходящее по сути) терпения, хранил в себе не только человеческое достоинство, но также и достоинство поэта и, что самое важное и удивительное — достоинство гражданина своей страны.

Из того же письма Сталину: «...я был и остался советским человеком. Во мне еще достаточно сил, чтобы залечить мою душевную рану и взяться за перо советского поэта. Я еще многое могу сделать для искусства, — я чувствую это».

Конечно, во фразе Заболоцкого *«...я был и остался советским человеком»* просматривается (с высоты дня сегодняшнего, при возможности охватить ситуацию в целом) позиция, схожая с позицией богослова, философа и поэта отца Павла Флоренского, считавшего своим долгом оставаться в большевистской России (что привело его в итоге к аресту и гибели), чтобы в меру сил служить своей родной земле, такой, какова она есть, и делать мир добрее и милосерднее.

А что касается обещания «Я еще многое могу сделать для искусства», в дальнейшем все так и случится, слово в слово. Пройдет шесть изнурительных лет творческого молчания, и состоится возвращение поэта Заболоцкого. Сжатая пружина распрямится. И началом движения станет его перевод со старославянского «Слова о полку Игореве» — великого памятника древнерусской литературы.

Наступит время иных писем: «На днях я закончил черновую редакцию перевода “Слова о полку Игореве”. Теперь, когда переписанная рукопись лежит передо мной, я понимаю, что я еще только что вступил в преддверие большой и сложной работы. Я знаю, что я в силах проделать эту работу... Есть в классической латыни литые, звенящие, как металл, строки; но что они в сравнении с этими страстными, невероятно образными, благородными древнерусскими формулами, которые разом западают в душу и навсегда остаются в ней! Читаешь это Слово и думаешь: “Какое счастье, Боже мой, быть русским человеком!”» — так Заболоцкий, еще фактически ссыльный, в июне 1945 года напишет известному литературоведу Н.Л. Степанову.

Николай Алексеевич начал заниматься переводом «Слова о полку Игореве» в 1937 году («у меня большая работа: нужно переложить на русские стихи “Слово о полку Игореве” — работа интересная и ответственная») и до ареста успел завершить вчерне «Вступление» и «Первую часть». Вся работа по переводу должна была быть закончена к 1 января 1939 года, но прервалась из-за ареста. Но мысль об этой «интересной и ответственной» работе не оставляла Заболоцкого все годы заключения.

Вот отрывок из его письма жене Екатерине Васильевне от 14 июня 1939 года, где Заболоцкий вновь советует (чтобы семья как-то сводила концы с концами), «в первую очередь» продать его книги и попутно просит: «Вообще, хотелось бы, чтобы из моей библиотеки сохранились лишь немногие книги: Пушкина однотомник, Тютчева томик, Баратынского два тома, Гоголь, Сковорода, Лермонтов, Достоевский, книги, относящиеся к “Слову о Полку Игореве” и Руставели». Среди самого важного, самого незыблемого, что выше голода и нищеты — «книги, относящиеся к “Слову о Полку Игореве”».

В мае 1943 года Николай Алексеевич Заболоцкий был переведен из Дальневосточного ИТЛ (исправительно-трудового лагеря) в Алтайский ИТЛ, в село Михайловское. И перевод на Алтай, несомненно, повлиял на перемены в жизни Заболоцкого. Перемены небольшие, относительные, по-прежнему дающиеся немалой ценой («...здоровье моего сердца осталось в содовой грязи одного сибирского озера...» — красивого озера с поэтичным названием: Малиновое), не такие скорые, как хотелось бы поэту, но перемены однозначно позитивные. Сила упругости пружины начала приводить в действие механизм отталкивания.

Уже весной 1944-го Заболоцкий написал Екатерине Васильевне письмо, где чувствуется совсем другое состояние души, где теплившаяся ранее надежда перерастает в твердую веру. Письмо, в котором и он сам другой, не чувствующий себя изгоем, отброшенным на задворки истории. Заболоцкий понимает себя полноправной (пусть даже и несправедливо униженной) частью созидающейся истории страны: «Ты пишешь — “жизнь прошла мимо”. Нет, это неверно. Для всего народа эти годы были очень тяжелыми. Посмотри, сколько вокруг людей, потерявших своих близких. Они не виноваты в этом. Мы с тобой тоже много пережили. Но мимо ли нас прошла эта жизнь? Когда ты очнешься, отдохнешь, разберешься в своих мыслях и чувствах, — ты поймешь, что недаром прошли эти годы; они не только выматывали твои силы, но и в то же время обогащали тебя, твою душу, — и она, хотя и израненная, — будет потом крепче, спокойнее и мудрее, чем была прежде».

Это высшая философия, великая мудрость бытия, торжество духа над плотью, которое Заболоцкий декларировал в тех же «Метаморфозах», а теперь подтверждал примером собственной жизни: «Время моего душевного отчаяния давно ушло, и я понял в жизни многое такое, о чем не думал прежде. Я стал спокойнее, нет во мне никакой злобы, и я люблю эту жизнь со всеми ее радостями и великими страданиями, которые выпали на нашу долю».

Тем временем, дело поэта в очередной раз было пересмотрено и, благодаря изначально шатким доказательствам его вины и настойчивым хлопотам Александра Фадеева (и других неравнодушных людей), занимавшего на тот момент значительные посты и в Союзе писателей СССР, и в ЦК КПСС, справедливость восторжествовала. 18 августа 1944 года Николай Алексеевич Заболоцкий становится вольнонаемным, что еще не дает ему право перемещаться по стране, но уже предоставляет возможность жить вне зоны. 23 октября Заболоцкий получает разрешение на приезд семьи, а 17 ноября 1944 года в Михайловское приезжает Екатерина Васильевна Заболоцкая с детьми — двенадцатилетним сыном Никитой и семилетней дочкой Наташей.

Благодаря Екатерине Васильевне они не сгинули, лишенные всех прав («даже права на милосердие» — по словам Николая Чуковского), оказавшись в одночасье семьей врага народа, не погибли под артобстрелами и бомбежками в блокадном Ленинграде, не умерли от голода и холода в тыловом Уржуме...

«Друг мой милый, моя дорогая девочка! С этого дня вы стали бесконечно родными для меня, и сейчас, когда я думаю о своей работе и жизни, все это неразрывно связано с вами. Если вы когда-нибудь полюбите меня, я сделаю все, чтобы вы были счастливы. Иначе нельзя и бессмысленно жить. Ваша любовь для меня и спасение, и счастье. Решайте. Я искренен перед вами и не боюсь ответа...» — это предложение «руки и сердца», которое письменно сделал Николай Заболоцкий своей возлюбленной Екатерине Клыковой в феврале 1928 года. Может быть, Николаю Алексеевичу и не удалось сделать Екатерину Васильевну счастливой в полной мере, как ему того хотелось, но ее любовь в дни гонений действительно стала для него спасением.

Все это в целом, возвращало Заболоцкого к жизни, а соответственно — к литературной работе. И первым, за что взялся Заболоцкий, стал перевод «Слова о полку Игореве». Екатерина Васильевна привезла с собой еще одно спасение для Ни-

колая Алексеевича, то, что в буквальном смысле возрождало его из пепла — черновые рукописи «Слова...», те самые, сделанные еще в 1938 году. Поэт решил начать с того места, где его прервали на полуслове, своим решением (своим смирением), вычеркивая из жизни утраченные годы.

«...Сейчас, когда я вошел в дух памятника, я преисполнен величайшего благоговения, удивления и благодарности судьбе за то, что из глубины веков донесла она до нас это чудо. В пустыне веков, где камня на камне не осталось после войн, пожаров и лютого истребления, стоит этот одинокий, ни на что не похожий, собор нашей древней славы. Страшно, жутко подходить к нему. Невольно хочется глазу найти в нем знакомые пропорции, золотые сечения наших привычных мировых памятников. Напрасный труд! Нет в нем этих сечений, все в нем полно особой нежной дикости, иной, не нашей мерой измерил его художник. И как трогательно осыпались углы, сидят на них вороны, волки рыщут, а оно стоит — это загадочное здание, не зная равных себе, и будет стоять вовеки, доколе будет жива культура русская», — так написал Николай Алексеевич Заболоцкий, будучи еще ссыльным поселенцем. В этом высшая степень понимания смысла жизни — забота о спасении духовном.

Се — Человек! А следом — Поэт и Гражданин.

И вот о чем стоит задуматься, глядя на события века прошлого из века нынешнего.

Со школьной скамьи мы помним изречение другого Николая Алексеевича — Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», изречение, что достаточно подзатерлось, девальвировалось и утратило высокое звучание. А может, произошла эта девальвация оттого, что в понятии «гражданин» уже достаточно долгий период суть — «человек» — имела слабую составляющую, а в понятии «поэт» (говорю с иронией) не рассматривалась вовсе? А ведь для Некрасова гражданин — это в первую очередь Человек. Человек духовный, с верой и идеалами.

Нынче гражданственность не в чести. Нет, формально понятие существует, а на деле — все кажется бессмысленным и подавленным провозглашенной идеологией «отсутствия идеологии». На фоне этого теми «оппонентами», кто не имел глупости от своей идеологии отказываться, история России, история народа российского, свободно трактуется как бездуховная история, как царство сплошного мракобесия и реакции. В ходе мировой информационной войны (и факт ее ведения очевиден) шаг за шагом вытравляется историческая память у людей. А историческая память — это не просто артефакты, документы и тексты. Это — часть души, именно в душе народной есть то заветное место, где может и должно быть сохранено то же самое «Слово о полку Игореве» — «одинокий, ни на что не похожий, собор нашей древней славы». И если нам в душу наплюют, а мы — утремся, тогда что? Ведь с народом, лишенным исторической памяти, можно делать все, что угодно. Кроме того, народ, переставший гордиться прошлым, не поймет и настоящее.

Время не обмануть, оно содержит в себе то, что уже произошло, поглощает то, что существует сейчас, и предвкушает то, что вскорости должно случится.

Нарушится баланс, и — здравствуй, безвременье!

Без духовного нет значимости в материальном (кроме сиюминутного, локального), за неимением его осмысленной полноценности! В конечном итоге, без гармонии духовного и материального человечество медленно, но верно занимается саморазрушением или даже самоуничтожением. Уповать при этом на сомнительный лозунг «После нас хоть потоп!» — глупо. А кто гарантирует, что «потоп» случится «после нас»? Это только так кажется, что человечество способно поглотить (проглотить) сколько угодно материального. На самом деле — материальное давно и с успехом поглощает человечество. Просто, со всей очевидностью, пожирает его.

Идеология эпохи модерна в XX веке, в разной степени испытанная всякого рода политическими системами («человек — индивидуум», «рациональность — глобальна»), по сути своей безнравственна, хотя бы потому, что признание человека (самим человеком) вершиной сущего на земле легко трансформирует гордость человека в гордыню.

С такой идеологией и суровый пролетарский гуманизм Горького, — сложно выраженный следующим образом: «Это звучит... гордо! Че-ло-век!», но «Если враг не сдается — его уничтожают», — идет к черту! При таком подходе, обладая преимуществами (власть, сила), под понятие «враг» можно подвести кого угодно, просто ткнув в этого «кого угодно» пальцем (вот она, гордыня — «распни, распни Его!»), как это сделали с Заболоцким, ткнув в него рецензией бесчестного критика Лесючевского и признанием не выдержавших пыток Лифшица и Тагер.

Человеческой природе свойственно находиться в состоянии выбора...

...Что сомненья? Что тревоги?
День прошел, и мы с тобой —
Полузвери, полубоги —
Засыпаем на пороге
Новой жизни молодой...

Человеческой природе свойственно находиться в состоянии выбора меж двух полюсов, где «мы с тобой — полузвери, полубоги», и — куда качнется маятник? Вопрос!

Заболоцкий свой выбор сделал, выбор недвусмысленный.

«Какое счастье, Боже мой, быть русским человеком!» — напишет он в июне 1945 года, завершив перевод «Слова о полку Игореве». И в этом его подвиге, пусть тихом и не таком безусловном, по сравнению с подвигами на ратном поле, явилось великое почтение к исторической памяти народа, через века соединяя прошлое с настоящим.

И жить поэту после того подвига станет лучше, но самой жизни останется совсем немного.

...Я — только краткий миг
Чужих существований. Боже правый,
Зачем Ты создал мир, и милый, и кровавый,
И дал мне ум, чтоб я его постиг!

Возможно, что Господь действительно не посылает человеку такие испытания, которые ему не по силам. А вот человек человеку — с легкостью. «Распни, распни Его!» — се тоже Человек. И легкость та не есть нечто из ряда вон выходящее.

...Я вовсе не мудрец, но почему так часто
Мне жаль весь мир и человека жаль?..

Все испытания, что были посланы Заболоцкому — он перенес с достоинством. Пересилил их не только разумом, но и душой. Не сошел с ума и не затаил зла.

Но 14 октября 1958 года «ангельское» терпение исчерпало себя — не выдержало и остановилось сердце. Слишком много терпения потребовалось от Николая Алексеевича Заболоцкого за те пятьдесят пять лет жизни, что были отведены ему XX веком.

На письменном столе остался лежать лист бумаги с начатым планом новой поэмы: *«1. Пастухи, животные, ангелы»*.

«...ангелы».

С тем и ушел...